

Ликвидация Сечи в 1775 году имела характер государственной реформы, направленной на достижение «блага» малороссийских подданных. Тогда же был обнародован манифест, выдержанный в духе имперской демагогии. В манифесте благопристойным «малороссийским казакам» (жителям уже ликвидированной Гетманщины) как «полезным гражданам» империи противопоставлялось «сонмище всякого сброда, всякого языка и всякой веры», под которыми следовало понимать сечевиков.

Последние, как представлялось в Петербурге, якобы живут «в совершенной праздности, гнуснейшем пьянстве и презрительном невежестве». Правда, далее, в противоречие сказанному, следует утверждение, что запорожцы завладели многими землями для обустройства на них «собственного хлебопашества, в чем довольно уже преуспели».

В конце концов, главная вина запорожцев состояла том, что они якобы задумали: «Составить из себя посреди Отечества область совершенно независимую под собственным своим неистовым управлением». Таким образом, уничтожение Сечи представлялось делом вполне гуманным, даже более — обязанностью императрицы «пред самим вообще человечеством». Земли запорожцев передавались «Отечеству полезным жителям» — главным образом, фаворитам императрицы: графу Потемкину, князю Вяземскому и бывшему гетману Разумовскому (в качестве поощрения за его лояльность).

Сколь мало правды в этих имперских представлениях, видно по состоянию хозяйства запорожцев и организации их экономики. После ликвидации Сечи одним только петербургским помещикам было роздано свыше 4 млн десятин пахотных земель Войска Запорожского. Но и это не исчерпывало всего запорожского земельного фонда. На оставшиеся земли пригласили колонистов из Центральной Европы и Балкан (немцев, сербов, болгар и греков). Трудно поверить, чтобы такими ресурсами можно было управлять, сидя в шинке и пропивая все, что Бог послал, или проигрывая в кости. Деятели запорожских земель заставляют усматривать в Екатерининской реформе не столько «гуманные», сколько экономические мотивы.

Герой народного фольклора — запорожец-гуляка — вовсе не соответствует своему историческому прототипу. Как известно, постоянный сечевой гарнизон — «товариство», где можно было позволить себе подобную бесшабашность, — исчислялся в лучшем случае лишь несколькими сотнями казаков, тогда как семейного казачества, жившего в паланках, было почти 20 тысяч.

Зажиточному казацкому хуторскому хозяйству была отнюдь не свойственна беспечность, воспетая в народных думах эпохи романтизма (XIX в.). Домовитый запорожец не только содержал Сечь из собственных ресурсов, но и умудрялся налаживать активные хозяйственные и коммерческие отношения на принадлежащих сечевому Кошу землях Нижнего Поднепровья, воевал обозы за солью в Крым, торговал рыбой и подсолнечным маслом с Москвой, табаком и хлебом — со Львовом.

По описаниям современников, Сечь представляла собой деревянную крепость на острове, окруженную земляным валом и естественным водоразделом. В центре крепости располагался майдан, вокруг которого размещалось 38 строений — куреней. В этих продолговатой формы казармах и жили запорожцы — сиромаша, представлявшие собой постоянный контингент Сечи, и заступающие на сторожевую вахту хуторские казаки-зимовники.

Во главе сечевого гарнизона стоял избираемый на год кошевой атаман, наделенный в пределах «кошевого товариства» практически неограниченной властью (нередко за свою воинскую отвагу атаман слыл колдуном — характерником). Внутри крепостного вала

размещалась также сечевая церковь (традиционно — Покрова Божьей Матери), войсковая канцелярия, школа и арсенал. Но жизнь продолжалась и за пределами вала, где располагались торговое-ремесленное предместье, базар, шинки, мастерские и прочие жизненно важные отрасли сечевого хозяйства.

Но суть Запорожья, костью стоявшая в горле имперских политиков, — это Вольности Войска Запорожского (иначе говоря, земли и уголья, которыми владело «кошевое товариство»). На эти земли не распространялась поместно-крепостническая система российского абсолютизма. Огромный земельный фонд был как бы в имперском

зонных рабочих. Каждый из них мог перейти при желании на новое место, заложить или продать свой хутор, уплачивая в кошевой фонд налог с дыма, т. е. домашнего очага.

С удовольствием представляю читателям «Русской Америки» малоизвестные страницы истории и картины из коллекции Казаков Америки, относящиеся к славному Войску Запорожскому, войску, с которым считались многие европейские правители. Отваги и храбрости Запорожского Казачества не было равных. Именно запорожцы изменили ход мировой истории, нанеся серию сокрушительных поражений лучшим армиям той эпохи. Запорожское Казачество было Православным орденом, в противовес мусульманской Турции и католической Польши. С разрушением Запорожской Сечи историки связывают многие факторы. Спорить не буду. Оставляю это на суд читателей.

Я являюсь прямым потомком славных запорожских казаков. Мой род - Цапенко ведет свое начало с шестнадцатого века. Приветствую Вас, братья казаки, атаманы, старшины, господа старики, уважаемые читатели, так как приветствовали на Сечи - «ПУГО-ПУГО, КАЗАК С ЛУГА».

Казаки Америки, Атаман СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЦАПЕНКО. Пишите нам. Казаки Америки - USA COSSACKS, ATAMAN, PO Box 4383 , Greenville, DE, 19807, USA. Наш сайт - www.cossacksUSA.com

правительству оказались не нужны ни тот, ни другой.

Запорожье было своего рода анклавом с «нетрадицион-

ную замену из «полезных граждан», полностью лояльных к облагоде- лывавшему их правительству.

Запорожской старшине

ми. Часть из них впоследствии вернулась назад «в родные пенаты».

15 июня 1775 года, возвращаясь с Русско-турецкой войны, генерал Петр Текелый во главе 10 пехотных, 8 кавалерийских и 13 донских казачьих полков стремительным маршем прошел через паланки, окружил Сечь и огласил запорожцам ультиматум. Превосходство сил было столь очевидным, что гарнизон Сечи предпочел сдаться без боя.

Кошевой Калнышевский прекрасно понимал, что Запорожская Сечь — это не только валы и укрепления. За свою историю Сечь по меньшей мере восемь раз меняла местоположение после очередной ликвидации: Хортицкая (1552-1558), Томаковская (1564-1593), Базавлукская (1593-1630), Никитинская (1628-1652), Чертомлыкская (1652-1709), Каменская (1709-1711), Олешковская (1711-1734), Новая (1734-1775) — вот двухвековой шлейф казацких поселений за порогами.

Вступив в переговоры и приняв условия капитуляции, Калнышевский усыпил бдительность армейского командования, благодаря чему ночью большинство сечевиков под покровом темноты и тумана вышли из окружения на своих чайках. За такую дерзость запорожская старшина была наказана пожизненным монастырским заточением. Кошевой судья Павло Головатый был сослан в Турханский сибирский монастырь, где прожил 15 лет, до самой смерти; войсковой писарь Иван Глоба — в Тобольский монастырь, где умер через 20 лет.

Последнего кошевого атамана, 85-летнего Петра Калнышевского, заключили в Соловецком монастыре, где он просидел на «покаянии» до 1801 года, пока не был реабилитирован новым императором Александром I. Впрочем, полностью утративший зрение и слух старец и сам не пожелал уезжать из монастыря. Спустя два года Калнышевский скончался в возрасте 112 лет и был погребен в одном из самых почетных мест Соловецкого монастыря — под южной стеной соборной церкви вблизи алтаря.

Улизнувшие из Сечи запорожцы осели на турецкой территории. После многолетнего противостояния с такими же политическими диссидентами — российскими старообрядцами-некрасовцами — они заложили в устье Дуная Дунавецкую Сечь (1813), однако существовала она недолго. В мае 1828 года, в начале очередной Русско-турецкой войны, 500 задунайских казаков во главе с кошевым атаманом Осипом Гладким перешли под Измаилом на сторону царской армии и приняли участие в войне с турками. После войны из них было сформировано Азовское казачье войско.

Гладкому было пожаловано родовое дворянство, чин полковника, а позднее — генерал-майора. Гораздо менее завидная участь ожидала оставшихся на Сечи казаков: они были вырезаны турками, лишь немногим удалось спастись. Как потенциальных перебежчиков казнили и 2 тыс. казаков, посланных ранее атаманом Гладким для участия в военных действиях на стороне турецкой армии.

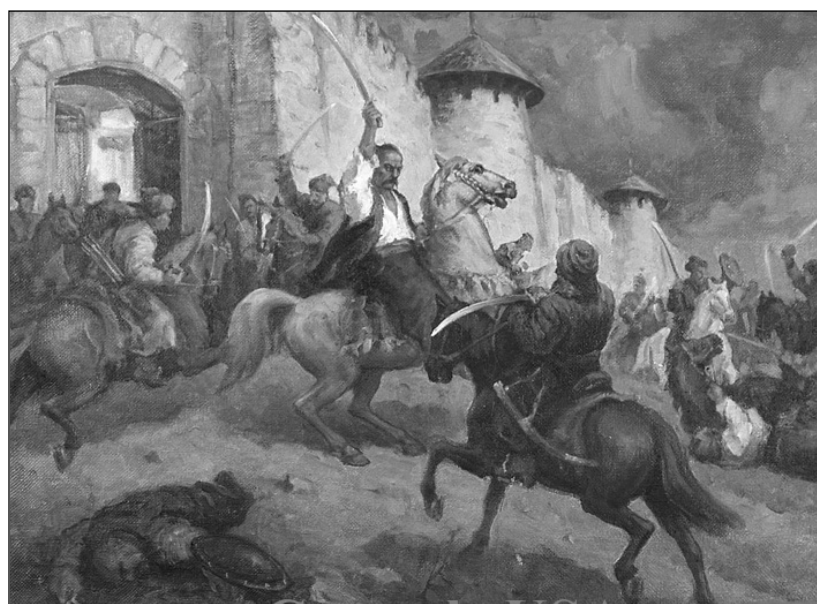
Позднее Азовское казачье войско было переформировано в Кубанское, которому вновь, как и во времена Байды, доверили традиционную казацкую миссию — охрану тюрко-славянского пограничья в Закавказье.

Дмитрий РЫБАКОВ

«Контракты»

ЗАПОРОЖЦЫ И СЕЧЬ

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВНОГО ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКОГО

подданстве, но в то же время вне имперского контроля.

Вольности были заселены семейными, домовитыми запорожцами, появившимися на Сечи лишь по случаю. Их место было в паланках — хозяйственных округах Войска Запорожского. Три паланки располагались на левом и пять — на правом берегах Днепра. На приграничных с Речью Посполитой и ногайскими татарами территориях находились сторожевые поселения с небольшой казацкой залогой (отрядом) и паланковой старшиной, в которую входили полковник, писарь и атаманы слобод. Большая часть домовитых казаков жила в слободах и зимовниках (хуторах), занимающихся ремеслом, сельским хозяйством или торговлей. В паланковую казну отправляли налоги (как правило, натурой) и донесения разведывательного характера.

Среди запорожцев было немало зажиточных хозяев. К примеру, в зимовниках последнего кошевого атамана Петра Калнышевского после его ареста было конфисковано свыше 14 тыс. овец, более 1 тыс. голов крупного рогатого скота, сотни свиней и 639 отборных коней. Впрочем, это лишь то количество, которое просвещенные имперские чиновники не успели укрывать до приезда ревизоров.

По сути, Запорожье было одной большой «офшорной зоной», где сечевики были вольными хозяевами — «частными фермерами». Наиболее крепкие собственники нанимали соседей в качестве се-

Природные условия и свойственная запорожцам предприимчивость способствовали тому, что большинство хозяйств эпохи Новой Сечи ориентировались уже не на удовлетворение собственных потребностей и отработку кошевого налога, а прежде всего на рынок. Основной доход приносила продажа скота, хлопка, подсолнечного масла, зерна, табака, а также содержание шинков и постоялых дворов.

К концу запорожской истории Вольности Войска Запорожского кормили около 200 тыс. населения. Благодаря хозяйственному освоению запорожских степей на основах свободного предпринимательства, широко использовался наемный труд, бурной ярмарочной торговле и стремительному денежному обороту, этот край славился процветающей экономикой, был живым воплощением Аркадийского мифа о земле, что течет молоком и медом.

Поселившись в XV-XVI веках в «горячей точке» тюрко-славянского пограничья, запорожцы, безусловно, рисковали не только своими дворами, но и головами. Однако в XVIII веке географическое положение запорожских земель обеспечило колонистов ценнейшими природными ресурсами и широкими рынками сбыта. В это время опозитизированный запорожец-гуляка становится даже на самом Запорожье все более экзотическим феноменом, вытесненным из реальной жизни запорожцем денежным и предприимчивым. Впрочем, просвещенному петербургскому

типом управления и «дикими», по мнению имперских чиновников, общественными отношениями. Дело не в петербургских политических стереотипах и даже не в московском экспансионизме, как иногда представляется. В глазах любой имперской администрации (польской, австрийской, российской) Запорожье выглядело бы государством в государстве.

Еще Петр I усматривал в Запорожской Сечи «корень всякого зла» и вынужден был мириться с этим «злом» лишь по причине тлеющего конфликта с Турцией и настойчивым стремлением открыть России выход к черноморскому побережью. Как и двумя веками ранее, запорожцы нужны были империи лишь в качестве сторожей на татарской границе (так же, как и донские казаки на степных рубежах, а позднее кубанские — для российского присутствия на Северном Кавказе).

В 1730 году российское правительство начало масштабную программу строительства украинской оборонной линии, пополам рассекая земли Вольностей Запорожских и размещая в построенных крепостях гарнизоны регулярной армии. В пределах линий фортификаций организовано расселялись беженцы из Османской империи (сербы, черногорцы, болгары, молдаване), из которых формировались кавалерийские полки, расквартированные вплотную к сечевым укреплениям. Таким образом, запорожцев появились не просто конкуренты — им готовили надеж-

уже в середине 1750-х гг. стало ясно, что конец запорожских вольностей не за горами. Как выразился сечевой писарь Дмитро Романовский: «Взяли уже войско наше в мешок, лишь не нашли еще способа, как тот мешок завязать». Способ был найден в 1775 году после победоносной Русско-турецкой кампании 1768-74 гг. По донесениям российских офицеров из Крыма, в татарском плену находилась масса колонистов из Новосербии и Славяносербии — созданных в 1750-1770-е гг. имперских провинций, большей частью покрывавших территорию Запорожских Вольностей. Пленники якобы признались, что были проданы в рабство именно запорожскими казаками. Ответ из Петербурга был однозначен: ликвидировать Запорожскую Сечь как очаг работорговли единоверцами.

Сегодня трудно проверить достоверность этой информации. Безусловно, между казаками и колонистами, селившимися на землях запорожских паланок, не могли не возникнуть территориальные конфликты. Не исключено, что запорожцы пытались бороться с имперской колонизацией, захватывая колонистов в «ясырь» и передавая их татарам. Однако не стоит преувеличивать объемы работорговли в Крыму во второй половине XVIII века. Спустя несколько лет российское правительство силой переселило из Крыма в Новороссийскую губернию 40 тыс. душ христианского населения (греков, армян и русинов), бывших пленниками (или уже не пленниками), а свободными ремесленниками и земледельца-